

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсѣцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсѣцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльныя номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсѣцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсѣцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред.
Сиб. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.
Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, и
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книж. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Пробужденіе земскаго сознанія. — Хроника. — Корреспонденціи: изъ Иркутска, Тюмени, съ Лены, изъ Красноярска, Канска, изъ Забайкальской области. — Нѣчто о передовыхъ статьяхъ по переселенческому вопросу. — Среда сибирскаго крестьянина. II. — Отправились домой (разсказъ изъ присековой жизни въ Сибири). А. З—кова. — Хроника жизни за недѣлю.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

26 сего октября, въ 3 часа пополудни, въ помѣщеніи Императорскаго русскаго географическаго общества, у Чернышева моста, въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія, имѣетъ быть первое общее собраніе гг. членовъ общества содѣйствія учащимся въ С.-Петербургѣ сибирякамъ: а) для разсмотрѣнія отчета о дѣятельности временнаго управленія; б) для обсужденія плана дѣятельности общества и в) выбора должностныхъ лицъ.

На точномъ основаніи § 35 устава общества, собраніе сочтется законно состоявшимся, какое бы число наличныхъ членовъ на оное ни явилось.

Лица, кои бы пожелали поступить въ члены общества, благоволять объ этомъ желаніи своемъ заявить до 23 октября или непосредственно временному управленію (Петерб. сторона, Большой проспектъ, д. № 19), или казначею онаго, А. А. Кобычеву (Исакиевская площадь, д. № 7, кв. 9); при заявленіяхъ долженъ быть уплаченъ и членскій взносъ на 188⁴/₅ годъ въ размѣрѣ для желающихъ быть постоянными членами ста рублей, а дѣйствительными—шести рублей.

ПРОБУЖДЕНІЕ ЗЕМСКАГО СОЗНАНІЯ.

Наиболѣе выдержанная и обладающая всегда замѣчательнымъ чутьемъ въ общественныхъ сибирскихъ дѣлахъ, газета «Сибирь» въ одной изъ статей своихъ старается объяснить равнодушіе сибирскихъ общественныхъ органовъ и особенно городовъ къ своимъ общественнымъ дѣламъ. Обращаясь къ анализу этого неутѣшительнаго явленія, мѣстная газета старается указать причины обнаружившейся въ данномъ случаѣ деморализаціи. Между прочимъ, она указываетъ на утрату въ городахъ Сибири солидарности гражданъ и земскаго единства.

«Въ другихъ земляхъ, да и у насъ прежде, каждый городъ, говоритъ газета, имѣлъ „свой норовъ“, свою индивидуальность, личность, такъ сказать. Прежде, если человѣкъ съ гордостью называлъ себя иркутяниномъ, то это не значило, какъ теперь,

только то, что человѣкъ живетъ въ Иркутскѣ,—нѣтъ, называя себя иркутяниномъ, онъ хотѣлъ обособить себя отъ Томска, показать, что земля, на которой онъ живетъ, улицы, по которымъ онъ ходитъ, и даже іерусалимская гора, гдѣ сложенъ будетъ его трупъ,—все это близко его сердцу, все это его родное, свое, которому онъ попреимуществу желаетъ всякаго благополучія, интересы котораго ему дороги и за честь и безопасность котораго онъ готовъ лечь костьюми... Словомъ, тогдашній иркутянинъ, красноярецъ и т. д. имѣлъ родину. А теперь,—да кажется самое слово „иркутянинъ“ вышло изъ употребленія и чуть ли не сдѣлалось зазорнымъ *). Изъ 38 тысячъ жителей чуть не половина, наиболѣе развитые и вліятельные,—чужеродцы, наѣзжіе, безъ племени, безъ родины. Сегодня эти инородцы-космополиты здѣсь, завтра въ Варшавѣ, а тамъ, глядишь—на Кавказѣ. И зачѣмъ имъ родина? Зачѣмъ имъ этотъ грязный, скучный уѣздный городишко, гдѣ они родились, гдѣ схороненъ прахъ ихъ отцовъ? Что имъ иркутская дума, что имъ чума и дифтеритъ, что для нихъ безопасность „въ пожарномъ отношеніи“? Иркутскъ для этихъ людей—станція, временная необходимость. Они проживутъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, скрѣпя сердце и постоянно проклиная и грязь, и вонь, и дороговизну, и сибирское невѣжество,—и затѣмъ уберутся въ мѣста злчныя и прохладныя.

„Благодаря этому благому примѣру и сами сибиряки, даже пріобщившіеся къ высшему образованію, утратили смыслъ слова „родина“ и смотрятъ на нее только какъ на арену наживы и выслуги, а не какъ на мать, вскормившую ихъ своими соками. Какіе тутъ мѣстные интересы, какая общественность, какое пониманіе солидарности и единства?“

Указаніе этого печальнаго соціальнаго факта въ жизни Сибири весьма поучительно. Въ самомъ дѣлѣ, горячее отношеніе къ общественнымъ дѣламъ возможно только при сознаніи взаимной связи и извѣстнаго родства. Такое сознаніе у лицъ одинаковаго происхожденія и одинаковой среды нѣтъ

*) Въ 70-хъ годахъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ Иркутска преподавалось «Родиновѣдѣніе» и было напечатано руководство. Теперь этого предмета нигдѣ не преподають.

прежнее время было инстинктивное, но оно было, как проявление мѣстнаго патриотизма. Если этотъ патриотизмъ, эти областныя клички составляли съ одной стороны насмѣшку однихъ областниковъ надъ другими, то съ другой стороны они возбуждали гордость, объединеніе, силу и начало солидарности. Можно представить себѣ, на сколько важенъ былъ бы импульсъ этого же чувства патриотизма при сознательной жизни, въ моментъ, когда общество можетъ чувствовать себя организованнымъ гражданскимъ обществомъ, вѣрящимъ въ свое будущее, имѣющимъ свои идеалы, дорогія надежды.

Вѣдь сибирское общество день ото дня развивается. Среди него являются люди, любящіе родину, желающіе ей добра. А между тѣмъ, именно въ это то время, когда среди образованныхъ сибиряковъ пробуждается общественно-областное сознание, въ мѣстномъ обществѣ и въ городахъ идетъ разладъ, сумятица, господство личныхъ интересовъ и интриги. На этотъ разладъ указывали печатаемыя у насъ статьи „Городское дѣло въ Сибири“. Общественный интересъ и священное слово „работа для родины“, какъ видно, еще не выступили въ городскихъ думахъ. И это понятно, когда составъ членовъ и гласныхъ является изъ элементовъ случайныхъ, когда представительство принадлежит не столько общественнымъ группамъ жителей, сколько имущественнымъ представителямъ. Идея ценза и представительство домовладѣльцевъ понято и привилось въ сибирскихъ городахъ своеобразно. И безъ того кулакъ и мѣшокъ бахвалился здѣсь, безъ того достоинство рубли ставилось въ этомъ обществѣ выше всего, идея гражданства еще не проникла въ общество и гражданинъ цѣнился не по общественнымъ заслугамъ—первымъ лицомъ въ городахъ явился расторговавшійся кабатчикъ, приказчикъ, какойнибудь елабужецъ, офеня.

Грубый, невѣжественный элементъ, расторговавшійся въ Сибири, между тѣмъ своимъ воспитаніемъ и предшествовавшей жизнью подготовленъ былъ своеобразно. Цѣлью его жизни былъ личный интересъ, общественного интереса онъ не понималъ. Что могъ дать общественному управленію человекъ, цѣлую жизнь запрашивавшій, грабившій покупателей? Что этотъ человекъ могъ воспитать въ себѣ, дѣйствуя въ лавкѣ и на базарѣ? Каково его отношеніе къ людямъ? И вотъ на арену, гдѣ нужна безусловная преданность обществу, жизнь для общества, самые благородные порывы римлянина, беззаветная вѣра въ человечество, уваженіе къ интересамъ другихъ, социальныя чувства,—вмѣсто этого является на эту арену барышникъ базара съ кнутомъ въ рукахъ, съ запахомъ конюшни, ростовщикъ, безчувственные руки котораго носятъ слезы вдовьихъ и сиротскихъ слезъ, торгашъ, аршинъ котораго обмѣривалъ деревенскихъ мужиковъ, человекъ безъ совѣсти, безъ стыда, который мѣтитъ, при помощи думы, поставить новый кабакъ на площади или заключить выгодный подрядъ на поставку кирпича, хотя бы и для общественного зданія. Можно себѣ представить, что дѣлается въ рукахъ этого человека съ самоуправленіемъ. Затягивая его въ разныя общественныя дѣла, предъ нимъ кланяются, упрашиваютъ дать грошъ на какоенибудь благотворительное дѣло, а онъ ломается, такъ онъ понимаетъ свой долгъ къ обществу, къ школѣ, къ народнымъ потребностямъ. Выбирая его въ городскую должность, предъ нимъ опять кланяются; но вѣдь онъ самъ знаетъ, что у него общественныхъ заслугъ нѣтъ; за что

же эти почести?—за его деньги! Развѣ это не деморализація общества? Вѣдь за деньги можно, значитъ, простить все недостатки, все пакости, все преступленія. Такой человекъ знаетъ свою силу и власть, онъ охватилъ городъ сѣтью кабаковъ и лавокъ, у него масса закладныхъ домовъ, векселей отъ закладныхъ имъ долгами, обязанныхъ ему купцовъ и мѣщанъ. И вотъ эту власть и силу онъ вноситъ въ думу. Онъ знаетъ, что ему будутъ повиноваться, иначе онъ предъявитъ векселя на своихъ кабалниковъ, раззоритъ ихъ семьи, посадитъ ихъ въ тюрьму. Онъ позволяетъ себѣ въ думѣ всякое самоуправство, дерзости (чему постоянныя примѣры повторяются), и ему никто по кабалной, денежной зависимости отъ него не смѣетъ сказать слово. Гдѣ же тутъ солидарность гражданская? Мы видимъ, что здѣсь все извращено, потоптано, осквернено; при такихъ условіяхъ здѣсь существуетъ только насмѣшка надъ идеей довѣрія и общественного представительства.

Мало того, такая личность вводитъ въ думу цѣлую клику такихъ же, какъ онъ, своихъ союзниковъ, руководствующихся личными и лавочническими интересами. Образуется уже цѣлый комплотъ кабалителей съ закабаленными, ростовщика съ должниками. Какомунибудь г. Хаминкову или Базанову нечего было бояться Иркутской думы, за нимъ всегда была клика должниковъ; то же самое продѣлывали и въ другихъ городахъ „Чумаевы“, Михѣичи и т. п. Пренія устанавливаются такимъ образомъ: когда дѣло идетъ объ общественномъ интересѣ, напр., о санитарныхъ условіяхъ города, о просвѣщеніи, о жертвахъ на общественныя дѣла, гласные не являются, и господствуетъ полное равнодушіе, на которое жалуются мѣстныя газеты, но когда дѣло идетъ о мѣстахъ подъ кабаки, подъ лавки, когда выдвигается личный интересъ или вопросъ о распоряженіи и расходованіи общественныхъ суммъ,—е ди н о д у ш і е полное. Такимъ образомъ сочувствіе проявляется лишь въ извѣстныхъ дѣлахъ, гдѣ входятъ личные интересы и нажива. Тутъ уже видно не одно, такъ сказать, апатичное состояніе общества и отсутствіе интереса вообще къ публичному веденію дѣла; нѣтъ, тутъ видна система и сознательно равнодушное отношеніе только къ извѣстнымъ вопросамъ въ противоположность къ другимъ, гдѣ прямо затрагиваются своекорыстныя стороны и инстинкты матеріальной наживы. Мало того, эти элементы кулаковъ нахально смѣются надъ всякими высшими интересами, напр., надъ просвѣщеніемъ, они позволяютъ себѣ публично оскорблять печать, вотивать противъ нея, преслѣдовать и т. д. Это естественный плодъ развившейся деморализаціи, результатъ утраты общественной чести. Это комплотъ наглой наживы противъ всего честнаго.

Мѣстная газета пробуетъ усовѣстить гражданъ, указывая, кому они вѣряютъ и власть, и общественное дѣло. Но развѣ они этого не знаютъ?

Вотъ что говоритъ газета „Сибирь“ по поводу выборовъ. „Стоитъ объ этомъ подумать, читатель! Кстати же, черезъ 2—3 мѣсяца тебя повѣстятъ выбирать твоихъ довѣренныхъ по управленію городомъ. Этимъ довѣреннымъ ты отдаешь въ полное распоряженіе, кромѣ кровнаго гроша,—и твое здоровье, и твою безопасность, и базарныя цѣны, и образованіе твоихъ дѣтей, и все-все-все! Они могутъ продать и заложить твою душу и тѣло; они сожгутъ твой домъ (и было), заразить твоихъ дѣтей и послѣднюю корову; напоить тебя грязью, а не водой, дадутъ тебѣ камень вмѣсто хлѣба—и все это на твои же трудовыя копейки! И ты не въ правѣ будешь жало-

ваться; ибо они—твои довѣренные, твои излюбленные, свободно выбранные тобою люди, — все равно, что ты самъ. Подумай, читатель!»

Съ этими словами можно обратиться и не къ одному иркутскому обществу.

Отмѣтивъ такое безотрадное явленіе, приходится сказать, что до сихъ поръ въ Сибири была фикція городского самоуправления, что его нѣтъ въ сибирскихъ городахъ, въ этомъ самоуправленіи нѣтъ общественнаго интереса. Имъ завладѣли тѣ же монополисты и самые дурные элементы, противъ которыхъ боролись администраторы, напр., Трескинъ, Сперанскій, Муравьевъ-Амурскій и Синельниковъ. Они знали эту партію въ Сибири, партію монополистовъ, откупщиковъ, винокуровъ, кабатчиковъ и мѣнялъ.

Здѣсь всякій сбродъ изъ Елабуги и изъ Верховажья, явившійся поживиться въ Сибирь, раззорить ее, и замѣтка газеты весьма характерна. „Что имъ край, что имъ родина, когда у нихъ у самихъ нѣтъ родины, развѣ есть родина у пріѣзжаго барышника или спекулятора?“

Если эти пріѣзжіе спекуляторы и хищники сформировались въ опасный союзъ, взявъ себѣ въ помощь такихъ же чужеземцевъ изъ ссыльных воровъ и адвокатовъ, то неужели люди честные въ Сибири и настоящіе граждане не сумѣютъ выдѣлать себя и выдвинуть понятіе о дѣйствительномъ служеніи обществу, о связи съ родиной.

Мы повторяемъ, что рядомъ съ общественной деморализаціей, проникшей въ Сибирь и внесенной элементами хищниковъ и заѣзжихъ торгашей, выходитъ, однако, понемногу и сознание дѣйствительнаго общественнаго дѣла со стороны уроженцевъ Сибири, какъ лицъ, ближе чувствующихихъ родство свое и интересы своей родины.

Этимъ элементамъ мѣстныхъ гражданъ, наиболѣе развитыхъ, предстоитъ выдвинуться и соединиться съ печатью и лучшей интеллигенціей, чтобы вооружиться противъ господствующей деморализаціи въ городскомъ дѣлѣ.

Недавно было сообщено, что главный администраторъ Восточной Сибири въ числѣ многихъ задачъ поставилъ въ программу проведеніе началъ земскаго самоуправления. Теперь должно подумать, на сколько явится край и общество подготовленными къ нему, и какіе интересы и элементы выдвинетъ сибирское общество въ этомъ земствѣ. Вотъ почему предстоитъ позаботиться о воспитаніи понятій о настоящихъ общественныхъ интересахъ, и только тогда будетъ обезпечена судьба городскихъ и земскихъ учреждений въ Сибири.

ХРОНИКА.

Въ редакцію «Восточнаго Обозрѣнія» Л. Ф. Пантелѣевымъ доставлено 200 р. въ пользу семейства Омутевскаго. Означенная сумма поступила съ олекминскихъ и витимскихъ прискоковъ Базилевскаго отъ слѣдующихъ лицъ: Ф. П. Краснофѣвцева 25 р., А. А. Краснофѣвцевой 10 р., В. О. Губанова 10 р., И. П. Зыкова 10 р., А. Д. Димова 10 р., И. К. Мамонтова 5 р., В. И. Вериги 10 р., Г. Х. Штейнмана 5 р., И. Н. Сосневскаго 5 р., В. И. Геліушъ 10 р., Е. А. Быбина 10 р., Э. И. Лисневскаго 5 р., М. М. Худякова 5 р., А. И. Агѣева 2 р., А. С. Ошарова 5 р., А. К. Мамонтова 2 р., Софья Верига 3 р., Анны Соколовой 5 р., Н. И. Лисневской 3 р., Д. Н.

Попова 3 р., А. Н. Андреева 5 р., И. А. Масленникова 5 р., А. И. Пайвина 5 р., В. Я. Комарова 10 р., М. Н. Голицына 3 р., П. П. Антоновскаго 5 р. и отъ Ф. О. Сусскаго 24 р. Итого 200 р.

По инициативѣ А. И. Стрижевой на витимскихъ прискахъ Базанова и К^о собрано было до 1000 р. въ пользу И. М. Николаева *) для доставленія ему возможности поселиться въ Петербургъ и поступить въ одну изъ рисовальныхъ школъ. Въ настоящее время г. Николаевъ уже началъ посѣщать рисовальную школу, что на Большой Морской.

Въ пользу общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ поступило: отъ А. М. Шестакова 10 р., Ф. П. Краснофѣвцева 50 р., В. О. Губанова 15 р., И. П. Зыкова 15 р., И. К. Мамонтова 3 р., А. Д. Димова 5 р., А. С. Ошарова 5 р., И. Н. Сосновскаго 2 р., Г. Х. Штейнмана 10 р., А. И. Агѣева 5 р., М. М. Клейнмихеля 10 р., В. И. Вериги 10 р., П. М. Худякова 5 р., Э. И. Лисневскаго 5 р., А. К. Мамонтова 3 р., В. Я. Комарова 10 р., П. П. Антоновскаго 5 р., Д. Н. Попова 5 р., А. И. Пайвина 10 р., М. Н. Голицына 5 р., Л. П. Лукьянова 3 р.; отъ служащихъ Малопатомскаго товарищества 31 р., М. И. Шестакова 10 р., Д. Н. Попова 6 р., А. И. Стрижевой 25 р., Ф. О. Сусскаго 25 р., Я. И. Рашевскаго 100 р., Л. Г. Шиманскаго 10 р., В. И. Менделевича 10 р., Л. Гр. Шиманскаго 2 р., Ап. Квятковской 5 р., А. А. Буковского 10 р., А. С. Савинскаго 9 р., П. Гр. Сѣдова 12 р., Н. Г. Пискунова 3 р., И. Я. Чурина 10 р., Н. 5 р., И. Н. Исаева 5 р. Всего 469 р., каковыя Л. Ф. Пантелѣевымъ и сданы въ кассу общества.

Мы слышали, что годовой сибирскій обѣдъ состоится и нынѣ по обыкновенію 26 октября.

Русскій Курьеръ сообщаетъ, что «въ виду преобразованія административной части въ южно-уссурийскомъ краѣ, къ которому причисленъ островъ Сахалинъ, и учрежденія новаго генералъ-губернаторства въ Восточной Сибири, съ резиденціей въ городѣ Хабаровкѣ, въ настоящее время, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вырабатывается новое правило объ административномъ преобразованіи острова Сахалина. Съ этой цѣлью приглашаются теперь новыя лица для полного штата чиновниковъ на тройной окладъ содержанія. Впрочемъ охотниковъ поѣхать на Сахалинъ находится однако мало». Не ошибается ли газета?...

Мы получили слѣдующую телеграмму изъ Читы. «Распространяется слухъ о возможности перенесенія областныхъ учреждений изъ Читы въ Нерчинскъ. Слухъ этотъ произвелъ на читинцевъ удручающее впечатлѣніе, говоритъ телеграмма. Жители города Читы не видятъ, чѣмъ могли заслужить это.»

Странно, читинцы думаютъ, что городъ лишается административнаго значенія въ видѣ штрафа за какіе нибудь проступки и прегрѣшенія. Что касается грѣховъ и грѣшниковъ, то оба города, конечно, не безъ нихъ. Если въ Читѣ были, по указанію мѣстнаго сатирика «продавцы корпіи и бантовъ», то въ Нерчинскѣ есть «чумазы». Желать перенесенія административныхъ центровъ для поднятія городовъ и, такъ сказать, въ угоду ихъ, позволимъ замѣтить, это чисто сибирская точка зрѣнія. Города должны жить не искусственной поддержкой, а своими силами. Иное дѣло роль города и центральность его положенія для администраціи, тутъ другой вопросъ, и по этому поводу ожидаемъ разъясненій отъ корреспондентовъ.

Въ «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ изъ Тюмени: «Вышелъ изъ Тюмени въ Томскъ послѣдній срочный пароходъ «Рейтернъ» съ послѣдней партіей арестантовъ. Всѣхъ

*) Присковаго служащаго, обнаружившаго способности въ рисованіи.

пассажиры съ переселенцами на пароходѣ и арестантами на баржѣ было 1,000 чел. слишкомъ. Въ Томскѣ пароходъ обыкновенно останавливается на часъ или на два, пока не нагрузятъ необходимого количества дровъ, но такъ какъ это послѣдній изъ срочныхъ пароходовъ, то онъ это дѣлаетъ какъ можно скорѣе, ибо для него каждая минута дорога. Случалось нѣсколько разъ такъ, что изъ двухъ пароходовъ, вышедшихъ во второй половинѣ сентября въ одинъ и тотъ же день изъ Тобольска, по оставшихъ другъ отъ друга на нѣсколько часовъ, одинъ изъ нихъ доходилъ до Томска, а другой зимовалъ въ пустынной и безлюдной мѣстности, гдѣ нѣтъ никакихъ путей сообщенія, и гдѣ пассажирамъ приходится или замерзнуть, или погибнуть отъ голодной смерти. Вотъ при такихъ то обстоятельствахъ тобольскій полиціймейстеръ въ городѣ предъ отваломъ парохода, не имѣя на то никакого права и повода, вдругъ задерживаетъ пароходъ «Рейтеръ» на 12 часовъ. Не смотря на просьбы и ропотъ пассажировъ, на протестъ капитана г. Гельвига, что пароходъ можетъ застрять во льду, онъ сдержалъ данное имъ слово, «что задержать пароходъ ровно на 12 часовъ». Въ эту же ночь, т. е. 15-го сентября получено было извѣстіе, что шуга (первый ледъ) по р. Канѣ, впадающей въ Иртышъ, пошла. Не извѣстно, конечно, какъ дойдетъ пароходъ до Томска, но во всякомъ случаѣ, если даже пароходъ благополучно дойдетъ до мѣста назначенія, фактъ этотъ ярко обрисовываетъ мѣстные условія несчастныхъ сибиряковъ. Если фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Тобольскѣ, то можно себя представить, что дѣлается въ Сургутѣ и Самаровѣ».

Можно подумать, что г. полиціймейстеръ зналъ, что рѣка еще не замерзнетъ или рассчитывалъ отдать ей особое приказаніе. Извѣстно, что въ Сибири полиціймейстеръ все. Отъ него, какъ видите, даже зависитъ движеніе по рѣкамъ, а также и замерзаніе оныхъ, если только не самихъ пассажировъ.

Петербургскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» пишетъ, что согласно постановленію государственнаго совѣта, состоявшемуся въ іюнѣ 1883 года, товариществомъ для устройства срочнаго пароходства по рѣкамъ Амурскаго бассейна имѣть быть представленъ къ 1 января 1885 года проектъ новаго устава сего товарищества.

Изъ Томска пишутъ въ «Русскій Курьеръ»: «Крупнымъ событіемъ у насъ является банкротство торговаго дома братьевъ Тюфиныхъ, которые въ настоящее время заключены подъ стражу и содержатся въ тюрьмѣ въ г. Тюмени, гдѣ они были розысканы. Сумма долговъ торговаго дома простирается до 643 тысячъ рублей, въ томъ числѣ долгъ государственному банку 144 тысячи руб. Тюфины имѣли свои пароходы, занимались доставкой товаровъ, вели торговлю солью и проч. Незадолго до объявленія ихъ несостоятельными должниками, одинъ изъ братьевъ, проживавшій постоянно въ Томскѣ, передалъ пароходы въ другія руки. На удовлетвореніе претензій кредиторовъ Тюфиныхъ имѣется имущество, заключающагося въ домахъ и движимости, на самую незначительную сумму, такъ что кредиторы не получаютъ и десяти копеекъ за рубль. Учрежденное по дѣламъ Тюфиныхъ конкурсное управленіе, не имѣя въ наличности никакихъ средствъ, затруднялось приступить къ исполненію возложенныхъ на него обязанностей; но конкурсъ выручилъ одинъ изъ главныхъ кредиторовъ Тюфиныхъ, пожертвовавъ отъ себя на содержаніе конкурса нѣсколько сотъ рублей. Банкротство Тюфиныхъ разорило многихъ мелкихъ торговцевъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и выдававшихъ имъ свои векселя для учета.»

Фирма Тюфиныхъ, надо замѣтить, несчастная фирма. Ея банкротство есть результатъ ея неумѣлости въ веденіи дѣлъ, результатъ несчастій и конкуренціи. Сама фирма славилась добросовѣстностью. Это не то, что одна фирма въ Восточной Сибири, гдѣ одинъ молодецъ и кредиторовъ надулъ, и населеніе разорялъ, да въ добавокъ вмѣсто «злостнаго банкротства» починные дипломы за промышленныя заслуги получаетъ.

Газета «Сибирь» извѣщаетъ, что администрація по дѣламъ братьевъ Бутиныхъ отмѣнена правительствующимъ сенатомъ. По нашимъ свѣдѣніямъ изъ Иркутска, поводомъ къ этой отмѣнѣ было то, что администраціи, по закону, могутъ учреждаться только въ столичныхъ и портовыхъ городахъ. На это, какъ припомнятъ читатели, указывалъ и одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Теперь, если кредиторы Бутиныхъ желаютъ учредить администрацію, то должны учреждать ее въ Москвѣ, Петербургѣ, Одессѣ, Архангельскѣ, Либавѣ и т. п., — но отнюдь не въ Иркутскѣ. Мѣстные юристы, однакожъ, толкуютъ не такъ. Они находятъ сенатское рѣшеніе неправильнымъ, такъ какъ существуетъ особенный законъ, позволяющій учреждать администраціи по дѣламъ золотопромышленниковъ. При этомъ они забываютъ, что въ этомъ законѣ не сказано, чтобы такіа администраціи учреждались и не въ указанныхъ мѣстахъ. Юристы, поступившіе въ составъ администраціи, поступили или хотятъ поступить, говорятъ, еще лучше. Они просто находятъ, что сенатскій указъ относится только до перваго акта администраціи, а не до втораго, и что нынѣшній актъ остается въ своей силѣ. Поэтому они будто бы хотятъ продолжать дѣйствія администраціи на основаніи послѣдняго акта, но исключивъ изъ своего состава г. Бутина. Вообще придумываются все способы сохранить администрацію. Не думаемъ, чтобы судебная власть, какъ она ни слаба въ Сибири, допустила однако отмѣну сенатскаго рѣшенія. Впрочемъ чего на свѣтѣ не бываетъ? Кредиторы Бутиныхъ, говорятъ, ошеломлены сенатскимъ рѣшеніемъ и теперь не знаютъ, что дѣлать. А казалось бы, чего проще: взять векселя изъ уничтоженной администраціи и представить ихъ ко взысканію въ полицію? — По послѣднимъ извѣстіямъ, судъ обращаетъ администрацію въ конкурсъ. Администрація выдала на свое имя векселей, кажется, на 600,000 р. Кто будетъ платить по нимъ, когда администрація признана не существующей? И имѣла ли она право выдавать на себя векселя?

Прибавляютъ и еще курьезъ по поводу этого историческаго конкурса. Въ моментъ отмѣны конкурса право распоряженія имуществомъ и все золото вдругъ очутилось въ рукахъ опекаемаго, такъ что у опекуновъ въ зобу сперло и въ дрожь ударило: «а какъ это все онъ ухнесть!» Охъ, говорили мы на основаніи многого, что съ Михаиломъ Дмитриевичемъ шутить нельзя. Попомнить его московскіе кредиторы!

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Иркутскъ (корресп. „Восточ. Обзор.“). Здѣсь наконецъ полученъ полный текстъ закона о Приамурскомъ генераль-губернаторствѣ. Онъ разсѣялъ тѣ недоразумѣнія, какія были возбуждены краткими телеграфными извѣстіями. Прежде всего, онъ исправилъ грубую ошибку „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, которое въ своей телеграммѣ забыло присоединить Сахалинъ къ новому генераль-губернаторству, такъ что онъ оказывался въ составѣ генераль-губернаторства Восточной Сибири и въ административныхъ округахъ выходила странная череполовица. Изъ него же видно, что судебная часть въ Сибири скоро должна подвергнуться измѣненіямъ, такъ какъ приамурскому генераль-губернатору предоставлены тѣ права, какія „останутся въ своей силѣ за имѣющими послѣдовать измѣненіями по судебной части въ Сибири“, и по предметамъ, относящимся до этой части, онъ дѣйствуетъ „на основаніи правилъ о нѣ которыхъ измѣненіяхъ по судоустройству и судопроизводству въ губерніяхъ Тобольской и Томской и въ Восточной Сибири“. Разрѣшеніе генераль-губернатору предоставить губернаторамъ часть своихъ правъ по хозяйственному управленію можетъ значительно облегчить труды и главной, и мѣстной власти. Горная часть новаго генерал-

губернаторства оставлена въ вѣдѣніи здѣшняго горнаго отдѣленія, которому по этимъ дѣламъ предоставлены права горнаго правленія; изъ этого можно заключить, что при окончательномъ преобразованіи управленія краемъ горное отдѣленіе будетъ преобразовано въ отдѣльное управленіе (какъ и предполагалось въ одной изъ моихъ прежнихъ корреспонденцій). О порядкѣ подчиненія учебной части за Байкаломъ въ новомъ законѣ ничего не говорится; но извѣстно, что она остается въ вѣдѣніи здѣшняго главнаго инспектора училищъ. Наконецъ, очень важенъ тотъ фактъ, что настоящее преобразование приамурскаго управленія еще неокончательное: и штаты, и правила о порядкѣ управленія утверждены только на три года, слѣдовательно они будутъ подлежать дальнѣйшему развитію и измѣненію по указанію опыта. Штаты военно-окружныхъ управленій—иркутскаго и приамурскаго, какъ извѣстно, также утверждены только на два года.

Въ Хабаровкѣ, какъ слышно, нынѣшнимъ лѣтомъ усиленно готовились въ ожиданіи генераль-губернаторства: строились новые дома, возводились вторые этажи надъ старыми. Оказались и помѣщенія для новыхъ учреждений. Для военно-окружнаго штаба приспособляются недавно выстроенныя казармы линейнаго баталіона, уже ранѣе выведеннаго изъ Хабаровки (для чего же казармы то строились?), для генераль-губернаторской квартиры—тоже только что отстроенный домъ офицерскаго собранія. Хабаровцы видимо стараются упрочить у себя генераль-губернаторскую резиденцію. Удастся ли имъ это, и окажется ли Хабаровка удобною для центра управленія, покажетъ будущее; мнѣнія объ удобствѣ ея въ этомъ отношеніи различны.

О новомъ начальникѣ приамурскаго края, какъ всегда водится, ходятъ разные толки. Нашлись люди, которые увѣряютъ, что знали его лично. Увѣряютъ, что онъ отличается простотою и противникъ роскоши. Спартанская простота будетъ очень не повнутри тѣмъ штабнымъ барынямъ, которыя привыкли тратить все жалованье своихъ мужей на шлейфы. Впрочемъ, вѣдь для барынь законъ не писанъ. Барона Корфа ждали сюда къ 17 сентября. Онъ телеграфировалъ, что ѣдетъ до Иркутска на трехъ тройкахъ, а отсюда поѣдетъ на пяти, и просилъ приготовить для него въ Срѣтенскѣ пароходъ или карбаза къ 26 сентября. Нѣкоторые изъ высшихъ лицъ военнаго управленія, переведенныхъ на Амуръ, ожидаютъ здѣсь его пріѣзда, всѣ другіе повемногу уѣзжаютъ. Не смотря на то, что большая часть чиновъ военнаго управленія переведены на Амуръ, убыли въ населеніи здѣсь вовсе незамѣтно: та же толкотня на публичныхъ собраніяхъ, та же дороговизна, тотъ же недостатокъ квартиръ; только военные погоны встрѣчаются рѣже.

Тюмень (корресп. „Вост. Обзор.“). Ни въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, исключая развѣ Томска, нѣтъ такого громаднаго наплыва рабочихъ, какъ въ Тюмени. Причинами привлеченія сюда черноработаго класса служатъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ Тюмени имѣется масса кожевенныхъ заводовъ, затѣмъ, во-вторыхъ, есть пароходныя пристани и работы на строящейся желѣзной дорогѣ. Въ Тюмень стремятся изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи, причемъ люди, стремящіеся сюда, имѣютъ въ большинствѣ титулъ „поселенца“. Какъ ни грустно, но должно сказать, что „поселенцы“ народъ, въ большинствѣ случаевъ, надломленный нравственно. Работы въ Тюмени, за исключеніемъ кожевеннаго производства, какъ на пристаняхъ, такъ и на желѣзной дорогѣ, втеченіе зимняго времени, положительно не производится. Очевидно, что большая половина рабочихъ рукъ остается безъ всякаго дѣла. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе заботливые, стараются обезпечить себя копеекой на черный день, но большая половина далеки отъ подобной идеи. Да и обезпечи-

ваніе то копеекой на черный день сопряжено съ крайнею трудностію, въ особенности для тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ на желѣзной дорогѣ. Цензъ труда строителями желѣзной дороги доведенъ до minimum'a. Естественно, что въ силу непреложнаго закона „питать себя“ является масса такихъ субъектовъ, которые рѣшаются посредствомъ грабежа, разбоя, а гдѣ, если признается необходимымъ, то и убійства доставать себѣ насущный кусокъ. Вотъ главный корень зла, вслѣдствіе котораго у насъ въ Тюмени такъ много бываетъ происшествій: кражи, буйствъ, убійствъ и даже потери живыхъ людей. Было бы крайне ошибочно съ моей стороны—взваливать подобную профессию исключительно на поселенцевъ. Безнравственность иногда коренится и въ коренныхъ тюменцахъ. Разсказываютъ, напримеръ, что нѣкто Б. когда-то, не такъ далеко въ прошедшемъ, былъ управляющимъ Б. теперь имѣетъ въ Тюмени много заведеній съ классической надписью „распивочно и навывносъ“. Къ вышеназванному Б., по совѣту его молодцовъ-кабатчиковъ, обратилось нѣсколько членовъ мужиковъ изъ переселенцевъ, имѣвшихъ по квитанціямъ въ приказѣ о ссыльныхъ собственныя свои деньги: кто 60 руб., кто 100, а другіе и болѣе. Увидѣвши Б., они заявили, что никакъ не могутъ получить собственныя свои деньги изъ вышеназваннаго административнаго учрежденія; а затѣмъ попросили Б., нельзя ли, молъ, почтеннѣйшій, какъ нибудь поскорѣе деньги получить чрезъ васъ. Б. согласился исполнить ихъ просьбу. Приказавъ мужикамъ сдѣлать на квитанціяхъ передаточныя надписи, что, понятно, послѣдніе исполнили, надѣясь вполнѣ на честь и совѣсть Б. Но не таковыя-то Б. оказался въ глазахъ мужиковъ. Онъ довелъ ихъ „завтраками“ до того, что бѣднымъ мужикамъ нечего было ѣсть. Въ силу подобнаго обстоятельства они согласились съ Б. получить лишь половину. Этотъ же Б. и многіе другіе, подъ видомъ благотворительности, дѣлаютъ ссуды подъ вѣрные залоги и за подобную благотворительность берутъ огромные проценты, т. е. по 10 коп. съ рубля въ мѣсяцъ.

Съ Лены (корресп. „Вост. Обзор.“). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по заказу общества, для запаснаго магазина крестьянъ Пеледуйскаго селенія, Витимской волости купцомъ Шлютинымъ былъ доставленъ ржаной хлѣбъ (мукою) изъ Якутска, но не совсѣмъ хорошаго качества. Въ прошломъ году крестьяне пожелали этотъ хлѣбъ отдать купцу Ошивалову, содержателю нѣкоторыхъ станцій Витимской волости, для корма лошадямъ, съ тѣмъ, чтобы Ошиваловъ нынѣшнею весною доставилъ такое же количество, какое взялъ, но только хорошаго качества. Постановили приговоръ, отослали въ губернію, но оттуда получился отказъ, не объясняющій даже, почему нельзя муку эту отдать Ошивалову. Такимъ образомъ, мука осталась у мужиковъ и, вѣроятно, будетъ лежать въ магазинѣ до того времени, пока совсѣмъ не испортится, тогда, конечно, пришлютъ распоряженіе продать или обмѣнять на хорошую, но придется выбросить, а какому человѣку охота будетъ ѣсть гнилую муку, и теперь ужъ крестьяне ея не покупаютъ, говоря, что затхлая...

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Съ 20 августа и до настоящаго времени наша полиція дѣятельно занята очищеніемъ города отъ ссыльныхъ и вообще подозрительныхъ лицъ. Собственно говоря, мы не видимъ еще опредѣленной цѣли въ полицейскихъ дѣйствіяхъ по предмету выселенія изъ Красноярска различнаго сброда, потому что на ряду съ различными дѣйствительно вредными личностями высылаются и лица, совершенно неповинныя, между тѣмъ какъ нѣкоторые, зарекомендовавшіе себя фактически съ самой дурной стороны, еврей-поселенцы попрежнему остаются въ сторонѣ отъ погрома (примѣры приведемъ въ своемъ мѣстѣ); но во всякомъ случаѣ можно сказать, что—такъ или иначе—вопросъ о правѣ...

живанія въ нашей средѣ многихъ разнохарактерныхъ паразитовъ затронуть уже. Вопросъ этотъ имѣетъ такую насущную важность, что мы считаемъ обязанностью нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Какъ извѣстно изъ сообщений корреспондентовъ „Восточнаго Обозрѣнія“ и „Сибирской Газеты“, Красноярскъ былъ переполненъ ссыльными на столько, что обыватель рѣшительно потерялъ всякое терпѣніе въ борьбѣ съ самыми вопіющими случаями покушеній на его личную и имущественную безопасность и уже не требовалъ, а просто умолялъ о помилованіи. Но дѣла шли попрежнему. Ни одинъ преступникъ, за небольшимъ исключеніемъ (даемъ саміи безобидный процентъ — 3:100), и то по слѣпой случайности, не зависящей отъ служебнаго усердія, не былъ обнаруженъ розыскомъ, бездѣйствіе было полное. Но вотъ на помощь затравленному населенію подошла областная пресса, и губернское начальство приказало очистить городъ *). Приказаніе, конечно, не пришлось понутру, и старая полицейская среда благородно отклонила отъ себя всякое вниманіе въ этотъ щекотливый вопросъ; поэтому очищеніе города было возложено на вновь назначеннаго полицейскаго пристава г. Кульченкова, который не успѣлъ даже вступить въ должность, не только ознакомиться съ тѣми труппами, гдѣ приходилось розыскивать подозрительный людъ. Но г. Кульченковъ удачно справился съ задачей и менѣе чѣмъ въ недѣлю розыскалъ болѣе 200 челов., не имѣвшихъ не только опредѣленныхъ занятій, но даже оказавшихся бѣжавшими съ каторги. Началась разборка. Прежде всего полиція наполнила свои каталажки. Въ то время, когда одна часть арестованныхъ переводилась послѣ допроса въ острогъ, другіе, не представившіе доказательствъ своихъ заработковъ, наказывались при полиціи розгами до 100 ударовъ за праздношатательство и сдавались, для отпавленія этапнымъ порядкомъ въ мѣста причисленія, въ пересыльную тюрьму, гдѣ имъ обривалась половина головы. Отъ такого сибирско-полицейскаго остракизма избавились только, не знаемъ на какомъ основаніи, нѣкоторые счастливыцы, напр., ссыльно-поселенцы Юкессъ изъ Канскаго и Поляковъ изъ Ачинскаго округа. Личности эти, извѣстны мошенничествомъ и шуллерствомъ и высланы ранѣе изъ города, хотя и были арестованы, но черезъ нѣсколько дней освобождены, что едва не вызвало открытаго бунта со стороны другихъ такихъ же арестантовъ. Изгнанію по спонутности подверглись и тѣ, которые заслужили почему либо гнѣвъ полиціимейстера. Такъ, на примѣръ, крестьянинъ Заледѣвской волости, Красноярскаго округа Игнатій Матюшенко, жаловавшійся на дѣйствія полиціи 24 мая, былъ 28 августа взятъ въ пересыльную тюрьму и съ обритой же головой (?) отосланъ въ мѣсто жительства. Излишнее усердіе не пощадило и такой несчастной жертвы, какъ крестьянка Нойской деревни, Рыбинской волости, Канскаго округа Кривола, которая отослана безъ всякой причины въ мѣсто своего жительства, будучи продержана передъ тѣмъ въ каталажкѣ съ тремя малолѣтними дѣтьми пять сутокъ. Между тѣмъ бѣдная женщина жила въ Красноярскѣ при матери своей, здѣшней мѣщанкѣ Григорьевой, вслѣдствіе того, что потеряла безъ вѣсти своего мужа, ушедшаго на Олекму въ работу на золотые промыслы семь лѣтъ тому назадъ и пропавшаго тамъ безслѣдно. Мотивомъ къ выселенію послужила „безписьменность“, т. е. неимѣніе у Кривола паспорта. Высланы даже нѣкоторые минусинскіе и канскіе мѣщане. Но такіе ссыльно-поселенцы изъ евреевъ,

которые давно уже зарекомендовали себя ростовщицествомъ и другими аферами, извѣстными обывателямъ, и которымъ именно самъ законъ воспрещаетъ проживаніе въ городѣ (напр., Липманъ, Вантубъ, Франфуртъ, Еленчукъ и др.), повторяемъ, остались въ сторонѣ отъ погрома. Вотъ почему мы и выразили недоумѣніе относительно цѣлей, преслѣдуемыхъ высылкою.

Канскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Кому неизвѣстны такъ называемые золотые караваны, отвозящіе ежегодно изъ Сибири въ Петербургъ золото, добытое на казенныхъ и частныхъ золотыхъ промыслахъ? Ѣдетъ обыкновенно повозокъ 10—15. Въ каждой повозкѣ насажены избранныки и попутчики, пожелавшіе прокатиться до Петербурга на казенный счетъ. Начальникъ каравана обыкновенно назначается по личному усмотрѣнію и горѣ всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ, ямщикамъ и даже неповиннымъ проезжающимъ. Какъ на образчикъ, укажу на слѣчай, происшедшій 17 іюля на станціи Тинской. Караванъ изъ 12 повозокъ прибылъ на станцію вечеромъ и остановился для ночлега. Между тѣмъ стали подъѣзжать повозки и другихъ проезжающихъ. На просьбу смотрителя станціи, г. Нестерова, отвезти одну повозку отъ крыльца, начальникъ каравана пустилъ нецензурную брань. Когда же г. Нестеровъ замѣтилъ ему, что такъ выражаться совѣстно, то г. Г—овъ обругалъ его самыми площадными словами, говоря, что „за всѣ эти слова я заплачу тебѣ только 25 руб.“. Фразу эту г. Г—овъ повторилъ и при сельскомъ старостѣ и крестьянахъ, которыхъ смотритель пригласилъ на станцію для засвидѣтельствованія перенесеннаго имъ оскорбленія. Конечно, 25 руб. послѣ поѣздки съ караваномъ заплатить ничего не стоитъ; тѣмъ не менѣе акту, составленному смотрителемъ, дано, какъ слышно, надлежащее движеніе.

Изъ Забайкальской области (корресп. „Вост. Обозр.“). Крестьяне бывшей Ильинской, а нынѣ Троицкой, Кабанской, Посольской и Кударинской волостей, на волостномъ сходѣ 9-го (21-го) мая сего года составили два любопытныхъ приговора, изъ которыхъ мы приводимъ первый слѣдующаго содержанія.

1) „Мы, ниже подписавшіеся Забайкальской области, Селенгинскаго округа, Троицкой, Кабанской, Посольской и Кударинской волостей, довѣренные разныхъ сельскихъ обществъ, бывъ сего числа созваны, по распоряженію г. засѣдателя 1-го участка Селенгинскаго округа, въ общее собраніе при кабанскомъ волостномъ правленіи, между прочимъ имѣли разсужденіе о томъ, что, согласно новому распоряженію, надзоръ за ловомъ рыбы въ рѣкѣ Селенгѣ, во время руннаго хода, долженъ производиться по правиламъ, установленнымъ для лова омулей въ р. Верхней-Ангартѣ и Кичерѣ; между тѣмъ правила эти при ловѣ рыбы въ р. Селенгѣ до сего времени не примѣнялись, а надзоръ за рыбнымъ промысломъ устроивался по усмотрѣнію гг. селенгинскихъ исправниковъ или даже засѣдателей и состоялъ въ томъ, что отъ населенія Ильинской волости, для составленія при временномъ чертовкинскомъ полицейскомъ управленіи полицейской команды, имѣющей назначеніе наблюдать за порядкомъ во время чертовкинской ярмарки и не дозволить промысла рыбы ниже установленныхъ межъ,—высылались два волостныхъ члена и 16 человекъ сельскихъ кандидатовъ по старшинамъ и десятниковъ, на содержаніе коихъ требовалось и ежегодно отпускалось изъ волостныхъ суммъ до 500 р.; затѣмъ отъ населенія Ильинской волости содержались при чертовкинскомъ полицейскомъ управленіи двѣ пары пунктовыхъ лошадей, переводимыхъ изъ с. Твороговскаго, за что содержатели получали излишней въ годъ платы до 200 руб.; а сверхъ того при томъ же чертовкинскомъ полицейскомъ управленіи, по распоряженію селенгинской полиціи, находилось 8 человекъ бурятъ въ составѣ полицейской команды и

*) № 30 „Вост. Обозр.“ съ корреспонденціею по этому предмету былъ полученъ въ Красноярскъ 19 августа, а 22-го сдѣлано распоряженіе объ изгнаніи подозрительныхъ лицъ.

двѣ пары пунктовыхъ лошадей. Устраиваемый въ такомъ видѣ надзоръ за чертовкинской ярмаркой и рыбнымъ промысломъ въ р. Селенгѣ во время руннаго хода, требуя отъ населенія Ильинской волости и Кударинскихъ бурятъ значительныхъ расходовъ, прямой своей цѣли: „наблюденія за правильнымъ ловомъ рыбы“—далеко не достигалъ, а напротивъ имѣлъ весьма невыгодныя и даже вредныя послѣдствія для самаго промысла вообще *) и для нѣкоторыхъ рыбопромышленниковъ въ частности. Не находя надобности и не видя никакой пользы въ дальнѣйшемъ существованіи подобнаго порядка вещей, мы, довѣренныя, единогласно постановили представить сей приговоръ чрезъ одного изъ насъ крестьянина Павла Попова г. военному губернатору Забайкальской области и покорнѣе просить его превосходительство предписать селенгинскому окружному исправнику на будущее время, при устройствѣ надзора за правильнымъ ловомъ рыбы въ р. Селенгѣ, во время руннаго хода, принять къ точному и неопустительному руководству 8 и 9 ст. правилъ ангарскихъ рыбныхъ промысловъ и отъ населенія нашихъ волостей, образовавшихся изъ прежней Ильинской волости, не требовать ни людей въ составъ чертовкинской полицейской команды, ни пунктовыхъ лошадей и вообще никакихъ расходовъ по содержанію означеннаго полицейскаго управленія. А такъ какъ изложенное въ семъ приговорѣ ходатайство не требуетъ установленія новыхъ правилъ, а лишь имѣть цѣлюю возстановить утвержденный закономъ порядокъ, то поставить въ извѣстность волостныхъ старшинъ, чтобы въ случаѣ, если до получения по сему приговору распоряженія г. губернатора послѣдуетъ отъ селенгинской полиціи какое-либо требованіе объ устройствѣ полицейскаго надзора въ чертовкинской, не согласное съ законамъ и клонящееся къ ущербу населенія, то такового требованія не выполнять“.

НѢЧТО О ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЬЯХЪ ПО ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.

Газеты сообщали, что недавно министерствомъ государственныхъ имуществъ возбуждено ходатайство объ отпускѣ 43,000 р. на образованіе переселенческихъ участковъ въ Западной Сибири. Поводомъ къ этому ходатайству послужило то, что при установленіи временныхъ правилъ 10 іюля 1881 г. о крестьянскихъ переселеніяхъ имѣлось, между прочимъ, въ виду, чтобы выселеніемъ части крестьянъ изъ однихъ мѣстностей въ другія, менѣе населенныя, содѣйствовать оживленію и поднятію производительности послѣднихъ. По этой причинѣ, а также за недостаточностью свободныхъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи, нынѣ предполагается направлять переселеніе въ Западную Сибирь, земли которой отличаются необыкновеннымъ плодородіемъ. Но для болѣе прочнаго поземельнаго устройства переселенцевъ и для соображенія числа переселяющихся крестьянъ, какое можетъ быть ежегодно водворяемо въ Западной Сибири, необходимо безотлагательное приведеніе въ извѣстность свободныхъ тамъ казенныхъ земель, посредствомъ подробной съемки ихъ на планы съ хозяйственно-статистическимъ описаніемъ. Для этихъ работъ испрашивается на первый разъ кредитъ въ 40,000 р., изъ которыхъ 25,000 р., предназначаются на командированіе туда компетентныхъ чиновъ, а остальные 15,000 р. на производ-

ство полевыхъ работъ по съемкѣ земель и образованію изъ нихъ поселенческихъ участковъ.

Вопросъ о назначеніи земель для переселенцевъ и объ отводѣ имъ участковъ, при всѣхъ благихъ желаніяхъ въ принципѣ, на практикѣ при старыхъ порядкахъ можетъ получить однако нѣсколько иное примѣненіе. Для того, чтобы разсуждать о данномъ вопросѣ не мѣшаешь знать условія нынѣшнихъ переселеній. Въмѣсто этого мы встрѣчаемъ въ одной изъ статей солидной столичной газеты слѣдующія громкія фразы.

„Наконецъ то мы дождались того дня, когда вопросъ о заселеніи плодороднѣйшихъ государственныхъ земель въ бассейнахъ рѣкъ Оби и Иртыша можно считать рѣшеннымъ. Въ непродолжительномъ времени начнутся работы по приведенію въ точную извѣстность свободныхъ казенныхъ земель Западной Сибири, годныхъ для поселеній. Необходимыя на этотъ предметъ суммы уже ассигнованы“ (газ. „Новости“).

Да что же, является вопросъ у русскаго читателя, въ этихъ „бассейнахъ“, какъ краснорѣчиво выражается авторъ, развѣ доселѣ земель совсѣмъ не давалось переселенцамъ и участковъ не отводилось?

Не мѣшало бы припомнить, какое значеніе имѣлъ для переселенцевъ отводъ земель, когда вся колонизація Сибири была совершена безъ этого отвода? Крестьянство само выбирало земли и заселило всю страну. Колонисты шли даже впереди географическихъ открытій, а не только впереди межевщиковъ. Но петербургскій обозрѣватель составилъ себѣ, какъ видно, особенное представленіе о колонизаціи.

„Невольно вспоминаются факты изъ исторіи недавняго заселенія восточной Сибири, говоритъ тотъ же авторъ. Колонисты были перевезены на плодороднѣйшую въ мірѣ почву, снабжены на первое время кое-какимъ сельскимъ хозяйствомъ и предоставлены затѣмъ на произволъ судьбы. Въ результатъ получилось то, что переселенцы обнищали, бросили всякое хозяйство и стали добывать себѣ скудное пропитаніе охотою или совсѣмъ бѣжали куда глаза глядятъ“.

Отчего же это такъ случилось, спроситъ читатель,—вѣдь участки были отведены, да еще плодороднѣйшіе? „А все случилось потому, продолжаетъ цитируемая нами передовица, что, вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія съ промышленными пунктами и, слѣдовательно, сбыта произведеній, колонисты потеряли всякую охоту бороться съ дѣйственной почвою“.

Если дѣло идетъ объ Амурской колонизаціи, то опять, какъ мы знаемъ, участки здѣсь отводились и даже очень отводились. Но колонизаціонный вопросъ перенесенъ авгоромъ прямо на почву торговыхъ путей сообщенія. Для концепціи передовой статьи, пожалуй, это вышло и выгодно. Но на самомъ дѣлѣ, признаться, мы этой связи совсѣмъ не понимаемъ. Статья продолжаетъ:

„На сколько необходимъ торговый путь чрезъ Ледовитый океанъ для экономическаго развитія всей Западной Сибири, доказываетъ уже то обстоятельство, что государство, совместно съ заинтересованными въ этомъ дѣлѣ иностранными державами, ровно 300 лѣтъ стремилось къ открытію этого пути“.

Здѣсь что ни строка, то новости для насъ. Для успѣха переселеній необходимъ Ледовитый океанъ. Затѣмъ, всѣ государства 300 лѣтъ только и добиваются открыть путь въ Сибирь чрезъ этотъ океанъ. Но если такъ, то почему же, не

*) Получившіе право воровски промысливать загораживаютъ сѣтями свободный входъ рыбы изъ Байкала въ рѣку.

смотря на всѣ старанія, онъ не открытъ. Не потому ли что и открыть его по физическимъ препятствіямъ трудно и невозможно? Далѣе читаемъ:

„Между тѣмъ, теперь, когда вопросъ о заселеніи плодотворнѣйшихъ бассейновъ (понравились эти бассейны) Оби и Иртыша рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, установленіе сѣвернаго торговаго пути выступаетъ опять на очередь. Поищемъ, успѣхъ настоящей колонизаціи много зависитъ отъ скорого и дешеваго сообщенія Западной Сибири съ промышленнымъ міромъ“.

Напрасно столько громкихъ фразъ и напрасно приплетенъ къ реальному крестьянскому вопросу мечтательный вопросъ о сѣверныхъ путяхъ. Подобное сочетаніе остается только риторическимъ украшеніемъ. Сибирскія переселенія шли и будутъ идти и безъ торговаго пути чрезъ Ледовитый океанъ.

Такая постановка вопроса показываетъ только, какъ легко пишутся передовыя статьи о предметахъ мало извѣстныхъ. Весьма высокій слогъ такихъ передовыхъ статей для провинціального читателя, понимающаго суть дѣла, только увеличиваетъ комическое впечатлѣніе, производимое курьезнымъ содержаніемъ газетнаго трактата.

На самомъ дѣлѣ, по поводу отвода участковъ для переселенцевъ, люди, компетентные и знающіе сибирскую жизнь, говорятъ слѣдующее. Намѣреніе отвести участки, конечно, вполне хорошее, но вотъ бѣда, эти вымежеванные участки могутъ такъ и остаться „участками подъ поселеніемъ“, переселенцы—крестьяне не возьмутъ ихъ, а поселятся въ другомъ мѣстѣ. Это обусловлено характеромъ и свойствомъ переселеній въ Сибирь, по увѣренію знатоковъ дѣла. Пришедшій крестьянинъ такъ бѣденъ, что ему трудно ставить новыя деревни, расчищать лѣса, новины и т. п. Поэтому приселеніе совершается въ большинствѣ къ деревнямъ старожиловъ, а не на отдѣльные участки. Затѣмъ явится вопросъ, тоже немаловажный, какіе еще участки будутъ отведены мѣстными межевщиками? Участки эти въ Западной Сибири и ранѣе снимались на планы, но толку изъ этого мало выходило. Крестьяне предпочитали селиться въ избранныхъ ими мѣстахъ при селахъ. Можно опасаться и теперь, что участки будутъ сняты, деньги истрачены, у землемѣровъ вырастутъ домишки, а планы будутъ лежать въ архивѣ у милаго Федора Александровича Дорофѣева или у г. Александрова (старые землемѣры), жизнь же пойдетъ своимъ чередомъ. Такъ передовыя статьи бывають далеки отъ дѣйствительности.

СРЕДА СИБИРСКАГО КРЕСТЬЯНИНА *).

(Наблюденія и очерки заѣзжаго).

Разсказавъ въ прежнихъ своихъ очеркахъ о русскіихъ людяхъ въ Сибири и о взаимныхъ отношеніяхъ между ними и коренными жителями, наметнувъ также на печальный результатъ ихъ вліянія другъ на друга, я съ намѣреніемъ оставилъ безъ вниманія глубоко важное обстоятельство, вытекающее изъ этихъ отношеній. Я только въ немногихъ словахъ сказалъ, что сибиряки, чалдоны, по отношенію къ русскіимъ людямъ, брошеннымъ тѣмъ или инымъ путемъ въ Сибирь, занимають господствующую позицію и пользуются этимъ вы-

годнымъ положеніемъ грубо, часто жестоко, какъ кулаки. Спрашивается теперь, какое мѣсто занимають крестьяне Сибири въ социальной пирамидѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ хаосѣ новой страны, какъ Сибирь, гдѣ идетъ непрерывная перетасовка населенія, гдѣ люди приходятъ, переходятъ, уходятъ, не образовалось еще разѣ навсегда плотно слѣпленной народной пирамиды, и границы между классами не опредѣлены еще строго. Но всетаки границы есть, а пирамида понемногу растетъ, причемъ можно уже различить основаніе ея и объемъ. Какое же мѣсто занимають сибирскіе крестьяне, какъ сословіе, какъ классъ? Не послѣднее—вотъ отвѣтъ, который невольно напрашивается. Въ то время, какъ въ Россіи мужикъ является синонимомъ жалости и пустаго брюха, которое онъ вѣчно стремится наполнить хотя бы мякиной и которое всетаки неминуемо остается пустымъ и голоднымъ,—сибирскій мужикъ испытываетъ иногда только нужду, которая не можетъ убить въ человѣкѣ силы. Какъ классъ, русскіе мужики самые несчастные, пришибленные, выжатые и вытрепанные люди; даже фабричные, не смотря на убійственную обстановку нашей промышленности, стоятъ выше своего деревенскаго собрата по обезпеченности и ведутъ жизнь, болѣе свойственную человѣку. Русскіе мужики—это самое настоящее дно, глубже котораго и утонуть нельзя; развѣ только „босая команда“ нѣкоторыхъ городовъ, пребывающая въ навозныхъ кучахъ, въ кирпичныхъ сараяхъ, въ сѣнныхъ баржахъ,—развѣ только эти чисто зоологическіе представители народной жизни могутъ еще соперничать съ мужикомъ по своей необезпеченности; но они, во-первыхъ, сравнительно немногочисленны, во-вторыхъ, пользуются свободой, хотя звѣриной, которой у мужика нѣтъ. Такимъ образомъ мужикъ русскій—дно.

Совсѣмъ другое дѣло въ этомъ отношеніи сибирякъ. Онъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, потому что подъ нимъ копошится низшій классъ, состояющійся изъ русскіихъ людей, изъ туземцевъ и изъ отбросковъ всѣхъ другихъ сибирскихъ классовъ. Вся эта масса, довольно многочисленная, не имѣетъ ничего общаго съ сибирскими крестьянами. Крестьяне—одинъ классъ, а эти люди—другой. Крестьяне вверху, эти внизу. Крестьяне обладаютъ болѣе возможностью пользоваться услугами этого низшаго класса и держать въ своихъ рукахъ болѣе средствъ стать въ роль эксплуатирующихъ. Если такое социальное господство съ одной стороны и социальная зависимость съ другой остаются часто невидимыми въ деревенской жизни, которая съ перваго взгляда кажется однообразной, то потому лишь, что скрадывается тѣмъ трудовымъ началомъ, которое неминуемо связывается съ крестьянской жизнью.

Но привилегированное положеніе существуетъ, и крестьяне имъ пользуются. Да и трудно удержаться отъ этой заманчивой позиціи, когда ичородцы, русскіе люди и другой сбродъ сами отдаются имъ въ руки, дикіе, обобранные, деморализованные, одни за водку и кирпичный чай, другіе за хлѣбъ и одежду, третьи за грошъ. Какое это имѣетъ вліяніе на оба класса, считаю лишнимъ говорить, потому что пришлось бы констатировать слишкомъ извѣстную истину, что привилегія съ одной стороны и рабство съ другой развращають обѣ стороны.

Упомяну бѣ объ одномъ слѣдствіи. Сравнительно при-

*) См. въ №№ 2 и 4 «В. О.» за 1884 г. «Сибиряки и сибирскій уѣздный городъ».

илегитимное положеніе сибирскаго крестьянина даетъ ему самосознаніе, чувство гордости и понятіе о свободѣ личной. Видя подъ собою низшій классъ, онъ поднимаетъ голову. Привилегированное положеніе есть одна изъ причинъ, уничтожившихъ въ сердцѣ сибирскаго крестьянина холопство и давшихъ ему сознаніе своего права и своей силы.

Покончивъ съ россійскими людьми, перехожу къ другимъ внѣшнимъ условіямъ жизни сибирскаго крестьянина, сумму которыхъ я и называю средой.

Сначала мнѣ придется упомянуть для счета о томъ, что уже всеѣмъ надобно до тошноты. Говорю о состояніи сибирской правды, и говорю это не только для счета, но и потому, что едва ли существуетъ ясное представленіе о неизгладимости клейма, которое „законъ“ кладетъ на сибирскаго мужика, отличающагося въ этомъ отношеніи отъ всякаго другаго мужика.

Начну съ самаго, такъ сказать, пошлаго случая, знакомаго даже ребятамъ: нашли около деревни мертвое тѣло. Привозятъ въ деревню чиновникъ. Собирается сходъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ, ждетъ. Наконецъ, показывается чиновникъ и начинаетъ представленіе театральное, въ своемъ родѣ единственное! Иногда это представленіе продолжается день, а иногда тянется мѣсяцъ. Но долго ли, скоро ли закончатся, актеры все это время должны безъ устали играть, напряженно служить. Роль чиновника состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы показывать себя негодующимъ, карательнымъ, мстительнымъ за погрѣшительный законъ. Роль мужика заключается въ томъ, чтобы показывать, что они народъ темный, ничего не понимающій, слабый. Чиновникъ ведетъ такъ себя, чтобы напугать, а мужикъ долженъ показывать, что правды имъ паче бояться, ежели они невинны. Чиновникъ долженъ пугать, если что нибудь хочеть получить, а мужики въ это время соображаютъ, сколько потребуется раскладки на душу для умиловленія разгнѣваннаго закона.

Актеры такъ хорошо играютъ, что трудно отдать предпочтеніе кому нибудь одному изъ нихъ! Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, роль мужика труднѣе, и надо больше душевной изворотливости, чтобы провести ее до конца. Чиновникъ только пугаетъ, а пугать, что же тутъ труднаго! Между тѣмъ роль мужика сложная, какъ всякая роль.—Ну, какъ у васъ было дѣло, рассказывайте, говоритъ чиновникъ. На сцену послѣ этого выходитъ какой нибудь сѣдой старикъ и серьезно, безъ улыбки начинаетъ молотъ чепуху околесную, въ которой ничего не поймешь.—Да какъ, ваше благородіе, извѣстно... вѣдь все мы подъ Богомъ ходимъ... Богъ-то, вѣдь онъ не спрашиваетъ, въ какомъ родѣ мы желали бы... Конечно, грѣхъ случился, а отъ кого вся причина произошла, какъ можно сказать, коли мы неизвѣстны... Пошто эдакое на насъ грѣховодное навожденіе, того мы не знаемъ... А коли будетъ, ваша милость, снизойдти къ намъ съ пріятностью, такъ и мы со всей душевной благодарностью, потому что мы не какіе нибудь стуканы безчувственные, а понимаемъ же мужицкимъ умомъ—то своимъ, што безъ закона нельзя, и который человекъ приставленъ къ закону, тотъ все равно,

что, примѣрно, палку въ рукѣ держитъ, и кто если супротивъ закона, того сейчасъ палкой по башкѣ, чтобы закону нарушенія не было—вотъ какъ мы понимаемъ законъ-то!—Опытный старикъ можетъ на цѣлый день растянуть изверженіе этой чепухи, можетъ цѣлый мѣсяцъ изо дня въ день заговаривать зубы подобнымъ образомъ. Но для обѣихъ сторонъ невыгодно долго играть роль. Чиновникъ неопытный часто уже не нарочно, а дѣйствительно взбѣситъ и закричитъ. Да ты что мнѣ, сивый чортъ, мелешь?—Впрочемъ, такъ или иначе, но комедія разыгрывается; тотъ же самый „сивый чортъ“ приходитъ какъ нибудь къ чиновнику вечеркомъ, заворачиваетъ полу азіатскаго желтаго халата, достаетъ оттуда платокъ, а изъ платка пачку ассигнацій и съ вѣжливыми поклонами приносить жертву на алтарь послѣ чего разгнѣванное правосудіе умолкаетъ.

Повторяю, рассказываю это лишь для того, чтобы яснѣе обозначить то клеймо, которое носитъ на своемъ челѣ сибирскій крестьянинъ, клеймо лукавства, хитрости, пронырливости.

— Сибирскій крестьянинъ, рассказывалъ мнѣ одинъ докторъ, принадлежащій къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, которые не гнѣваются,—это тонкая бестія, лучший комедіантъ, великолѣпный тартюфъ. При этомъ докторъ рассказывалъ множество случаевъ изъ своей практики. Вотъ одинъ. Во время рекрутскаго набора приходитъ въ его квартиру мужичокъ и послѣ разныхъ околичностей увѣряетъ, что его сынъ, подлежащій набору, боленъ, и предлагаетъ три тысячи, чтобы болѣзнь была призвана докторомъ. Послѣдній успокоиваетъ мужика, увѣряя, что больного никто въ солдаты не смѣетъ взять, и выпроваживаетъ мужика. Сынъ дѣйствительно оказался больнымъ, и его не приняли. Мужикъ, въ полной увѣренности, что это дѣйствіе „трехъ тысячъ“, приходитъ снова къ доктору и въ благодарность вынимаетъ для него пятишницу; выгнанный за порогъ, онъ все-таки, конечно, былъ увѣренъ, что ловко обошелъ дурака!

Съ самаго дѣтства сибирскій крестьянинъ воспитывается въ себѣ это понятіе о законѣ, правдѣ и справедливости. Характеристика моего знакомаго — „тонкая бестія“, „пронюха“, „тартюфъ“—потому мнѣ кажется близкой къ дѣйствительности, что царство произвола другія качества и не можетъ развить; мало того, только именно благодаря этимъ нехорошимъ качествамъ, сибирскій крестьянинъ отстоялъ свою самостоятельность; другія же средства борьбы неизвѣстны ему. Наконецъ, можно прямо сказать, что крестьянинъ здѣшний сознательно пускаетъ въ ходъ эти качества, ибо понимаетъ многое изъ того, что россійскій можетъ только чувствовать *).

II.

*) Помѣщая настоящій очеркъ наблюдателя надъ сибирской жизнью и крестьянами, съ самымъ суровымъ анализомъ ихъ характера и даже обличительными филиппиками, мы желали бы тѣмъ выразить свое полное безпристрастіе и устранить себя отъ всякихъ иллюзій. Мы полагаемъ однако, что это не единственные черты сибирскаго крестьянина, и въ немъ конечно найдется немало добраго.

Ред.

ОТПРАВИЛИСЬ ДОМОЙ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПРИСКОВОЙ ЖИЗНИ ВЪ СИБИРИ).

Въ широкой болотистой долинь, среди Саянскихъ горъ, на берегу быстрой таёжной рѣчки стояло нѣсколько домовъ, казармъ и амбаровъ Пророкс-Ильинскаго прииска. Невесело выглядѣлъ этотъ выработанный приискъ и въ добрую погоду, но еще непригляднѣе, сѣрѣ казался онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Тяжелыя свинцовыя тучи висѣли надъ нимъ, закрывая вершины высокихъ горъ; холодный вѣтеръ порывисто проносился, свистя надъ крышами ветхихъ строеній и шума по вершинамъ деревъ. По временамъ валилъ мокрыми хлопьями снѣгъ или шоль дождь—одинъ и вмѣстѣ съ снѣгомъ. Тяжелыя работы на приискахъ въ такую погоду: промокшій до костей рабочій людъ едва таскаетъ ноги, выбившіяся изъ силъ лошади отказываются возить таратайки съ землей, даже приисковые служаки и тѣ устаютъ браниться... Да и не до работы осенью, у всѣхъ одна мысль: какъ бы поскорѣе вырваться съ прииска. Считаются дни и часы до расчета, идутъ разсужденія, какова—то будетъ дорога, глубокой ли снѣгъ выпадетъ въ горахъ, широко ли разольются быстрыя таёжныя рѣчки...

Въ одинъ изъ такихъ сентябрскихъ дней работы на Пророко-Ильинскомъ приискѣ кончились поздно ночью. Усталые рабочіе, молча, отправились по казармамъ, тяжело ступая по грязи. Тьма была непроглядная; только на краю разрѣза виднѣлась узкая, красноватая полоса слабаго свѣта, выходившаго изъ двери кузницы. Тамъ у горна собралось нѣсколько рабочихъ.

Суровый забойщикъ Захаръ Вернидубъ, товарищъ его Иванъ Середа и возчикъ Семенъ Скалозубъ понесли въ кузницу отвастривать притупившіеся ломы и кайлы.

— Подвостри-ко мнѣ, дядя Андрей, сказалъ Скалозубъ, войдя въ кузницу.

— Тише ты, чертъ крученый, не мѣшай, проваливай, заговорило нѣсколько рабочихъ, окружившихъ дядю Андрея.

Дядя Андрей, коренастый, широкоплечій кузнецъ, стоялъ у наковальни, опираясь мускулистой рукой на молотъ, и разсказывалъ:

— Ну, поссорились мы такъ, пошумѣли при расчетѣ и отправились съ прииска. Много тогда ушло насъ съ долгами; всѣхъ, которые не хотѣли остаться въ зимовку, обсчиталъ Шниперъ: лѣтомъ обѣщаль прибавку жалованья, а осенью убавилъ... Пошли мы прямо чрезъ горы; дороги не видать; снѣгъ выпалъ больше аршина. Переваляли къ обѣду и подошли къ рѣкѣ. Это было въ самый Покровъ. Идемъ берегомъ, смотримъ—впереди огонекъ горитъ, котелки грѣются; лодка вытащена на берегъ; крестьяне сидятъ. Подошли.—Богъ въ помощь!—Милости просимъ.—Что, домой отправились? спрашиваютъ. — Пора, говоримъ, отдохнуть, — девять мѣсяцевъ проработали. — Не хотите ли плыть? — А лодка есть? — Есть. Подѣли мы къ огоньку, достали кто изъ кармана, кто изъ шапки, а кто изъ голяшки золота; купили вина, выпили съ устатку; отдохнули; сговорились заплатить по пяти рублей съ человѣка и плыть домой. Сѣли въ лодку и поплыли. Насъ было восемь человѣкъ да сплавщикъ съ работникомъ—полна лодка. Плыдемъ скоро,

только кусты мелькаютъ по сторонамъ. Рѣка быстрая—дорога гладкая, но на бѣду камней много торчитъ изъ воды, того и гляди налетишь. Однако сплавщикъ былъ ловкій парень, во время сворачивалъ. Проплыли мы такъ благополучно зимовѣ *), не останавливались, — своя водка была. Плыдемъ дальше, покуриваемъ, разговариваемъ. Сплавщикъ стоитъ на носу лодки съ шестомъ въ рукахъ и поглядываетъ впередъ, работникъ сидитъ на кормѣ съ весломъ... — Вороти налѣво! проворнѣй!! закричалъ вдругъ сплавщикъ. Работникъ гребнулъ — трахъ! весло пополамъ... летимъ прямо на камень... у меня сердце замерло... сплавщикъ уперся шестомъ о камень... трахъ! шестъ пополамъ... сплавщикъ полетѣлъ въ воду, лодка ударилась о камень и перевернулась вверхъ дномъ...

Когда я опомнился—я сидѣлъ, полураздѣтый, верхомъ на лодкѣ. Смотрю—саженьхъ въ десяти отъ лодки плыветъ Раздайбѣда, за нимъ ныряетъ Иванъ Трофимовъ. Взглянулъ ближе—за конецъ лодки держится товарищъ мой Степанъ, весь въ водѣ, одно лицо на виду. Я поглядѣлъ ему въ лицо и, Господи, что это было за лицо! до конца жизни не забуду: бѣлое какъ полотно, страшное; глаза на выкатѣ, ротъ перекошило... Я отвѣлъ отъ него глаза и взглянулъ дальше, впередъ: Ивана уже не было, Раздайбѣда нырялъ... Тяжело смотрѣть, какъ умираютъ товарищи, а ты не можешь имъ помочь.—Степанъ, говорю я товарищу, лѣзь, братъ, на лодку.— Не могу, говорить, силы нѣту, тянетъ книзу... я опускаюсь... Нѣтъ, держись, братъ, крѣпись, Богъ дастъ, нанесетъ на косу, спасемся.— Не могу, говорить, тянетъ... прощай това...

Не договорилъ онъ послѣдняго слова, погрузился въ воду, и не стало Степана... Я остался одинъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Скоро ли моя очередь, думаю, хотъ бы къ одному концу... Вдругъ лодка о что то ударилась, треснула, я перевернулся въ воду...

Очнулся я на острову, на берегу; какъ Богъ спасъ меня, и самъ не знаю. Лежалъ я на камняхъ, оковенѣлый, руки и ноги не гнутся, зубъ на зубъ не попадаетъ... Не утонулъ, такъ замерзнуть приходится. И позавидовалъ я тогда товарищамъ, что недолго такъ мучились. Однако же умирать не хочется; сталъ я разминаться, пошоль по острову; но ноги подсѣкаются, нѣтъ силъ, коченѣю. Видно ужъ умирать надо, лягу, думаю, и замерзну... Ну, да если кому не суждено еще умереть, такъ не умрешь. Взглянулъ я въ послѣдній разъ на рѣку и вижу—плотъ плыветъ. Какъ я обрадовался, и сказать не могу; сталъ молиться, сталъ кричать: услышали, пристали къ острову. Плылъ довѣренный. Взялъ онъ меня на плотъ, отогрѣлъ и спасъ отъ смерти. Дай ему Богъ добраго здоровья, а товарищамъ моимъ царства небеснаго!

Замолкъ Андрей, молчали и слушатели его. Только въ горнѣ потрескивалъ огонекъ да храпѣла въ зубахъ Вернидуба предсмертнымъ храпомъ большая трубка. Что думали въ это время приисковые рабочіе: жаль ли имъ было преждевременно сошедшихъ въ холодную могилу товарищей, или

*) Изба при дорогѣ на прииски.

проклинали они въ душѣ суровую пріисковую жизнь—Богъ ихъ знаетъ!

— Такъ всё и потонули, дядя Андрей? спросилъ, наконецъ, Скалозубъ, нарушивъ общее молчаніе.

— Всѣ, братъ, девять человѣкъ отправились домой, только я одинъ остался.

— И за что мы только гинемъ на этихъ проклятыхъ пріискахъ?! задался вопросомъ Вернидубъ.

— За стаканъ вина, разъяснилъ Иванъ Середа.

А. З.—ковъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ Бельгіи недавно происходили выборы въ общинные со-
вѣты, причемъ либералы одержали такую блестящую побѣду,
какой и не ожидали. Клерикалы, благодаря этому обстоятельству,
опустили головы и приуныли. Либералы ожидаютъ паденія
ненавистнаго имъ клерикальнаго министерства Малу, который
однако посѣпшилъ заявить, что въ составѣ министерства ни-
какой перемѣны не произойдетъ. Либералы не довѣряютъ
этому заявленію, основываясь на бывшемъ уже примѣрѣ въ
концѣ пятидесятихъ годовъ, когда либеральныя общинныя
совѣты были причиною выхода клерикальнаго министерства
въ отставку. Печать, ликуя по поводу удачныхъ выборовъ,
говоритъ, что существующее клерикальное министерство
явилось слѣдствіемъ бывшаго разлада въ либеральной пар-
тіи. Теперь же либералы, скрывъ свою ошибку и видя всю
тяжесть послѣдствій этой ошибки, сплотились дружно и на-
несли ударъ противникамъ. Печать предсказываетъ, что по-
литическія сношенія съ папою не будутъ установлены.

— Французское правительство получило извѣстіе о новой по-
бѣдѣ надъ китайцами подъ крѣпостью Чу, 11 октября. Числен-
ность китайцевъ, участвовавшихъ въ сраженіи, опредѣляютъ до
10,000 человѣкъ; французамъ удалось сломить ихъ послѣ пяти-
часоваго боя. Но въ то время, какъ все вниманіе французовъ обра-
щено на Китай, въ Тонкинѣ происходили тревожныя событія.
Два китайскихъ отряда напали на французовъ въ разныхъ пунк-
тахъ, и одинъ изъ нихъ заставилъ французскія войска отсту-
пить. Извѣстіе это тѣмъ болѣе непріятно подѣйствовало на
французовъ, что они не ожидали перехода китайцевъ въ
наступленіе. Министры въ объясненіе этого факта заявили
въ бюджетной коммисіи, что генераль Бріеръ-де-л'Иль не
требовалъ подкрѣпленія. Правительство рѣшило сформировать
полкъ тюркочовъ и иностранный легіонъ, сообразно условіямъ
колоніальной арміи. Мѣра эта увеличитъ расходъ на два
милліона франковъ, за то бюджетная коммисія настаиваетъ
на сокращеніи расходовъ по управленію страной.

— Въ Англіи митинги продолжаются. Въ Манчестерѣ
недавно на одномъ изъ нихъ Чарльзъ Дилъкъ произнесъ рѣчь
противъ палаты лордовъ, которую онъ считаетъ виновницею
всѣхъ золъ въ Ирландіи. По словамъ оратора, въ случаѣ
историчнаго отклоненія билля объ избирательной реформѣ,
на очередь выступитъ вопросъ, какъ поступить съ палатою
лордовъ—преобразовать ее или упразднить? Во всякомъ слу-
чаѣ, если пары вызовутъ новое столкновеніе, то это окончится
для нихъ весьма неблагоприятно. Англійское правительство
предполагаетъ приступить къ постройкѣ суданской желѣзной
дороги, начатой при хедивѣ Измаиль-пашѣ, съ цѣлью сое-
динить Каиръ съ Донголой и Хартумомъ. Главнымъ обра-
зомъ дорога будетъ доведена до Вади-Гальфы, гдѣ англій-
ское правительство предполагаетъ содержать на будущее
время постоянный гарнизонъ. Одна вѣтвь пройдетъ къ Алек-
сандріи. Необходимый на постройку капиталъ будетъ осу-
женъ египетскому правительству Англіею.

— Изъ Египта появились важныя свѣдѣнія. По однимъ,
свободныя арабскія племена отпадаютъ отъ Магди и пере-
ходятъ на сторону враговъ, а египетскія войска одержали
побѣду надъ инсургентами при Эль-Обейдѣ; по другимъ
источникамъ, суданскій пророкъ благоденствуетъ. Онъ, узнавъ,
что англичане предпринимаютъ экспедицію въ Хартумъ,
созвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ эмировъ и генераловъ. На
этомъ совѣтѣ было рѣшено выдвинуть небольшіе отряды по
направленію дорогъ, ведущихъ изъ Хартума въ Кордофанъ
и затѣмъ держаться оборонительной тактики. Если же егип-
тяне или англичане, по занятіи Хартума, пойдутъ по направ-
ленію къ Кордофану, то Магди выступитъ имъ на встрѣчу
со всѣмъ своимъ войскомъ и дастъ сраженіе, прежде чѣмъ
они успѣютъ вступить въ предѣлы Кордофанской области.
Предложеніе объ отправкѣ войскъ въ Хартумъ отмѣнено.
Такимъ образомъ, если свѣдѣніе это достоверно, то въ
Египтѣ готовится рѣшительная битва между инсургентами
и англичанами.

— Въ Германіи идутъ парламентскіе выборы. По поводу
ихъ органы печати, сочувствующіе Бисмарку, заявили, что
желательно было бы имѣть въ парламентѣ консервативное
большинство, и консерваторамъ совѣтуютъ въ тѣхъ окру-
гахъ, гдѣ они не могутъ разсчитывать на большинство, войти
въ соглашеніе съ либералами, чтобы устроить какую либо ком-
бинацію, невыгодную для единства выборовъ. Правительство
готовитъ проектъ о выдачѣ субсидій германскимъ парохо-
дамъ, содержащимъ океанскіе рейсы, и рядъ проектовъ, отно-
сящихся къ колоніальной политикѣ, вызывающей сочувствіе
всѣхъ партій.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— По засвидѣтельствованіи министромъ государственныхъ
имуществъ, по случаю исполнявшагося въ текущемъ году
пятидесятилѣтія существованія „Земледѣльческой Газеты“,
объ особыхъ трудахъ редактора и главнѣйшихъ сотрудниковъ
газеты, содѣйствовавшихъ достиженію ею полезнаго вліянія
на развитіе отечественнаго сельскаго хозяйства, Государь
Императоръ Всеимостивѣйше соизволилъ на награжденіе:
редактора „Земледѣльческой Газеты“, члена ученаго коми-
тета министерства государственныхъ имуществъ, дѣйстви-
тельнаго статскаго совѣтника Баталина—орденомъ св. Ста-
нислава 1-й степени и бывшаго ближайшимъ его помощни-
комъ, исправляющаго должность вице-директора департа-
мента окладныхъ сборовъ, члена ученаго комитета минис-
терства государственныхъ имуществъ, коллежскаго асессора
Ковалевскаго—чиномъ надворнаго совѣтника.

— Изъ Хабаровки „Новое Время“ получило извѣстіе, что
пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ, слѣдова-
вшій сухимъ путемъ на службу въ Пріамурскій край, прибылъ
въ Хабаровку благополучно, чиновники же, ѣхавшіе океаномъ,
задержаны льдомъ на Усури, въ 400 верстахъ отъ Хаба-
ровки и въ ожиданіи зимняго пути разбѣстались по кварти-
рамъ станицы Графской.

— Въ харьковскомъ университетѣ вывѣшено, по словамъ
„Хар. Губ. Вѣд.“, объявленіе, за подписью ректора, о томъ,
что студенты съ 5 октября не будутъ впускаться въ универ-
ситетъ иначе, какъ по предъявленіи матрикала.

— Профессоръ русской исторіи въ здѣшнемъ универси-
тетѣ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ еще не начиналъ читать
лекціи въ нынѣшнемъ году, какъ пишутъ, — по болѣзни.
Приватъ-доцентъ по той же каедрѣ В. И. Семевскій, чте-
нія котораго въ прошломъ году привлекли громадныя массы
слушателей, вышелъ изъ университета и читать лекціи, къ
сожалѣнію, не будетъ.

— „Новороссійскій Телеграфъ“ сообщаетъ, что „киевскіе
студенты, уволенные изъ университета за участіе въ безпо-
рядкахъ, призываются теперь на военную службу, такъ какъ,
находясь внѣ университета, они потеряли право на отсрочку
по отбыванію воинской повинности. Городецкія и уѣздныя при-

существованія уже дѣлають распоряженія о вызовѣ такихъ лицъ для освидѣтельствованія ихъ годности къ военной службѣ“.

— 29 сентября пришелъ, какъ сообщаетъ „S.-Petersburger Zeitung“, изъ Англіи въ Ригу пароходъ „Kelso“. При осмотрѣ судна, продолжавшемся, вопреки обычаю, довольно долго, одинъ изъ нижнихъ чиновъ таможи, спустившись въ помѣщеніе, гдѣ хранится уголь, нашелъ тамъ довольно объемистый пакетъ, завернутый въ газетную бумагу, а именно въ нѣсколько номеровъ „Казанскаго Виржеваго Листка“. Не успѣвъ служащій при таможнѣ обратить вниманіе на пакетъ, какъ сопровождавшій его судовой плотникъ, плавающий на названномъ пароходѣ уже восемь лѣтъ, предложилъ ему и тутъ же другому таможенному служителю по 50 р., если только они не донесутъ о сдѣланномъ ими открытіи. Когда предложеніе это было отвергнуто, матросъ внезапно вынулъ изъ кармана ножъ и, размахивая имъ, проложилъ себѣ дорогу на палубу. Прежде чѣмъ таможенные служители успѣли опомниться, плотникъ сѣлъ въ катеръ, отвалилъ отъ парохода и, приставъ къ берегу, скоро скрылся изъ виду. Поступокъ плотника объяснился только при дальнѣйшемъ осмотрѣ пакета. Въ пакетѣ оказалось множество изданій подпольной прессы, преимущественно экземпляры издающагося въ Женевѣ „Вѣстника Народной Воли“.

— По поводу безпорядковъ въ Москвѣ изъ правительственныхъ сообщеній видно слѣдующее. Вечеромъ, часовъ въ 8, на Страстномъ бульварѣ, противъ университетской типографіи, собралась довольно значительная толпа; она стала пѣть пѣсни и шумѣть. Тогда полиція и конные жандармы разомъ окружили толпу и въ полномъ составѣ отвели ее въ пересылный замокъ. На мѣстѣ ареста было найдено до 40 камней, нѣсколько кастетовъ и часовыхъ гирь: все это буяны поспѣшили побросать на улицу, при появленіи полиціи. Кромѣ того, тутъ же были разбросаны прокламаціи пяти разныхъ изданій, касающіяся исключительно безпорядковъ въ Кіевѣ. Полиція дѣйствовала такъ быстро и рѣшительно, что толпа не успѣла повредить дома типографіи и не поспѣла оказать какого-либо протидѣйствія. Въ самомъ зданіи университета порядокъ ничѣмъ не былъ нарушенъ и все время читались лекціи и происходили научныя занятія студентовъ. Въ слѣдующіе дни ректоръ, деканы и нѣкоторые профессора обращались на лекціяхъ къ своимъ слушателямъ, указывая имъ на все безобразіе такого поведенія недостойныхъ ихъ товарищей, послѣдовавшихъ, на свою погибель, за злоумышленниками, которымъ терять нечего, и которые стремятся только къ тому, чтобы при всякомъ случаѣ губить учащуюся молодежь. Студенты и сами послѣ лекцій высказывались въ томъ же духѣ и заявляли желаніе, чтобы въ университетѣ былъ сохраненъ полный порядокъ. Еще наканунѣ московская полиція знала о готовящихся безпорядкахъ, и оберъ-полиціймейстеръ тогда же, т. е. 1-го октября, лично донесъ объ этомъ только что возвратившемуся въ тотъ день изъ отпуска московскому генералъ-губернатору, а рано утромъ, 2 октября, сообщилъ и ректору университета. Съ своей стороны генералъ-губернаторъ, найдя въ день прибытія своего въ Москву, 1 октября, между полченными бумагами письмо, извѣщающее о готовящихся между студентами безпорядкахъ, и принявъ личный докладъ оберъ-полиціймейстера, немедленно приказалъ сдѣлать всѣ соотвѣтствующія распоряженія и вошелъ въ сношеніе съ командующимъ войсками московскаго военнаго округа имѣнни на готовѣ, на всякій случай, нѣкоторой части войскъ. Такимъ образомъ еще наканунѣ администрація не только знала о готовящихся безпорядкахъ, но ею своевременно были приняты надлежащія мѣры къ ихъ предупрежденію. Кромѣ прокламацій, разбросанныхъ въ университетѣ и другихъ мѣстахъ, найденъ при обыскѣ въ квартирѣ арестованныхъ студентовъ: фонъ-денъ-Бринкена, Шевчука и Гриневецкаго, на Срѣтенскомъ бульварѣ, подлинникъ одной изъ прокламацій, написанный чернилами, употребляемыми для гектографіи, каковымъ способомъ и оттиснуты разбросанные экземпляры

этой прокламаціи. Въ составѣ арестованныхъ лицъ, согласно произведенному разбирательству, оказалось: студентовъ московскаго университета 67; исключенныхъ изъ московскаго университета за неуспѣшность ученія 5; студентовъ петровской академіи 7; лакеевъ изъ студенческой кухмистерской 3.

— Согласно правительственному сообщенію съ 24 по 28 сентября с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло о 14-ти лицахъ, преданныхъ военному суду по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, именно: дворянкѣ Фигнеръ, дочери священника Чемодановой, сынѣ священника Немоловскомъ, сынѣ священника Суровцевѣ, купеческомъ сынѣ Спандони-Басманджи, дворянинѣ Чуйковѣ, купеческомъ сынѣ Ивановѣ, женѣ врача Волькенштейнъ, уволенныхъ отъ службы: полковникѣ 59-го пѣхотнаго полка Ашенбреннерѣ, штабсъ-капитанѣ 9-й артиллерійской бригады Похитоновѣ, поручикѣ 28-й артиллерійской бригады Рогачевѣ, подпоручикѣ 131-го пѣхотнаго полка Тихановичѣ, прапорщикѣ корпуса флотскихъ штурмановъ Ювачевѣ и отставномъ флота лейтенантѣ баронѣ Штромбергѣ. Судъ призналъ всѣхъ подсудимыхъ, исключая Чемодановой, виновными въ принадлежности къ противозаконному сообществу, съ цѣлью ниспроверженія государственнаго, общественнаго и экономическаго порядка насильственными дѣйствіями, выразившимися въ рядѣ преступныхъ посягательствъ на жизнь почившаго государя и завершившихся мученической его кончиной, равно убійствъ, посягательствъ на жизнь государственныхъ сановниковъ, должностныхъ лицъ, и другихъ преступленій, повлекшихъ нарушеніе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Подсудимая Чемоданова признана виновной въ принадлежности къ сообществу, стремящемуся къ государственному перевороту, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, безъ насильственныхъ мѣръ. Сверхъ того, относительно всѣхъ подсудимыхъ имѣлись еще частныя пункты обвиненія. Судъ приговорилъ: Фигнеръ, Ашенбреннера, Рогачева, Похитонова, Штромберга, Ювачева, Тихановича, Волькенштейнъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе; Иванова и Немоловскаго къ ссылкѣ на каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока; Чуйкова къ ссылкѣ въ каторгу въ рудникахъ на 20, Суровцева и Спандони-Басманджи на 15 лѣтъ, Чемоданову къ каторжнымъ работамъ на заводахъ на 4 года. Приговоръ утвержденъ 5-го октября помощникомъ командующаго войсками петербургскаго округа съ замѣной опредѣленнаго судомъ наказанія: Немоловскому ссылкой на каторжныя работы на 20 лѣтъ, Чемодановой ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Его Величество Всеимостивѣйше повелѣтъ соизволилъ даровать жизнь Фигнеръ, Волькенштейнъ, Похитонову, Ашенбреннеру, Тихановичу, Ювачеву и замѣнить опредѣленное судомъ наказаніе: Фигнеру, Похитонову, Ашенбреннеру, Тихановичу ссылкой на каторжныя работы безъ срока, Волькенштейнъ и Ювачеву каторгой на 15 лѣтъ. Приговоръ относительно Штромберга и Рогачева приведенъ 10-го октября въ исполненіе.

— 2-го октября открылось засѣданіе военнаго суда по дѣлу о безпорядкахъ въ Кунавинѣ, бывшихъ въ ночь съ 7-го на 8-е іюля. Разбирательство происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Подсудимыхъ 72, свидѣтелей до 200. 7-го числа пренія сторонъ окончились. Рѣчь гражданскаго истца, присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго, по словамъ корреспондента „Новостей“, произвела сильное впечатлѣніе. Защитникъ, присяжный повѣренный Плевако, произнесъ также прекрасную, проникнутую чувствомъ человѣколюбія, рѣчь, послѣ чего судъ удалился для постановленія резолюціи. Приговорены за убійство въ каторгу: шесть человекъ на 20 лѣтъ, три на восемнадцать лѣтъ, одинъ на семь лѣтъ; за разбой—одинъ на четыре года въ мѣста не столь отдаленныя; въ исправительныя арестантскія роты: шесть человекъ на три года, девять на 2½ года, одиннадцать на 1½ года. Къ заключенію въ тюрьму: восемь на шесть мѣсяцевъ, два на 4 мѣсяца и пять чел. на 1½ мѣсяца; къ аресту: двое на 3 года и трое на 2 года. Одиннадцать человекъ оправдано.